

УДК 904: 72.470.26

Кулаков В.И., доктор исторических наук, Институт археологии РАН, (Россия)

ТИПОЛОГИЯ И ХРОНОЛОГИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ УРН ЭСТИЕВ И ПРУССОВ

Сосуществование нескольких типов урн в погребальных древностях эстиев и пруссов свидетельствует о том, что в сознании членов общин (очевидно – в основном женщин) существовали прототипы урн, имевшие для (вынужденных) керамистов значение этно-культурных ориентиров. Упомянутые обитатели Янтарного берега начала нашей эры именовались германцами *Aestii* (древнегерм. - ”живущие на востоке”). Низкое качество урновой керамики, их слабый обжиг характеризуют незначительную профессиональную подготовку членов родового коллектива, вынужденных заниматься формовкой сосудов лишь по необходимости подготовить урну к похоронам родственника. Крупные размеры основной части типов урн нашего массива являются, очевидно, результатом неких культовых норм. Прах с костра и кремированные останки погребённого вместе с его инвентарём занимают малую часть объёма урны и не обязательно находились у её дна. Существовавшие в традициях населения Янтарного берега на протяжении полутысячелетия, урна, как выяснилось, могут содержать информацию хронологического и этно-культурного характера, а не просто фиксироваться археологами как вместилище праха погребённых.

Ключевые слова: Балтия, эстии, пруссы, погребения, урны, типология.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-01-74-89

Одной из форм массовых находок на могильниках эстиев римского времени и пруссов в начале эпохи Великого переселения народов являются погребальные урны. Упомянутые обитатели Янтарного берега начала нашей эры именовались германцами *Aestii* (древнегерм. - ”живущие на востоке”). Их землю многие историки именовали вплоть до IX в. “Эстланд” (та же “Восточная Страна”). Упомянутые Тацитом, эстии являлись носителями древностей самбийско-натангийской группы западнобалтской культуры. Погребальные урны являлись одним из ведущих признаков упомянутых древностей. Ещё в сер. XIX в., на заре прусской археологии, члены Общества «Пруссия», проводившие раскопки могильников Самбии, стали обращать на необычно крупные по своим размерам погребальные урны (рис. 1). Считалось, что эти урны, достигавшие высотой более 50 см, изготавливались из глинистой земли с примесью дроблёного гранита и орнаментировались по кромке венчика [12. S. 134]. Первый опыт типологии урн первой пол. I тыс. лет н.э. предпринял отец прусской археологии Отто Тишлер в кон. XIX в.

Эта типология, осуществлённая на материале могильника Dollkeim/Коврово, была представлена лишь в графической версии и лишена аргументации (рис. 2). Ранее Г. Берендт обратил внимание на динамику высот урн, в ряде случаев стандартизованных (рис. 3, 8-12). А. Хенше, один из первых исследователей погребальных древностей исторической Пруссии, сказал: «Тщательное изучение разнообразных форм урн может в нашей провинции (К.В. – Вост. Пруссия) совершенно по особенному служить познанию погребений во временном и этническом аспектах» [13. S. 157]. Несмотря на это заявление, никто из представителей старой прусской археологической школы не взялся за изучение столь важного аспекта археологии Янтарного края. Более того, в кон. XIX в. в ряде случаев при раскопках погребений из урн выбирались находки, а сами погребальные сосуды, серьёзно повреждённые раскопщиком, оставались пустыми *in situ* [5. с. 179]. Кстати, урны подвергались и другой форме разрушения: их верхние части фрагментировались ввиду эрозии почвы или же в результате распашки.

В послевоенное время «ведрообразные» урны или урны типа Grebieten, как их называли немецкие археологи, не были типологизированы и ведущим в Польше исследователем западнобалтских древностей римского времени Войцехом Новаковски. В своей базовой монографии 1996 г. он, предельно кратко их охарактеризовав (выс. более 50 см, плохой обжиг, отсутствие фрагментов урн на поселениях), отнёс «ведрообразные» (т.е. с усечённо-коническим туловом) урны к фазам B2/C1 – C1a (т.е. – до нач. III вв. н.э. включительно) [14, S. 60].

В своём ответе на монографию В. Новаковски я, отметив появление биконических урн у предков эстиев ещё в железном веке, на что обратил внимание ещё Вильгельм Герте [10. Abb. 120, f], выделил лишь три типа урн [1. рис. 104].

Интересен сам факт возможности типологизации сосудов, призванных вмещать останки кремированных членов общин, обитавших в древности на Янтарном берегу и в его окрестностях. Отпечатки пальцев, выявленные на венчиках и туловах некоторых урн (преимущественно обнаруженных на могильниках Hünenberg/Гора Великанов и Lauth/Б. Исаково) позволяют сделать вывод о том, что урны (или их часть) изготавливались к церемонии захоронения женщинами (родственницами умершего ?) (рис. 4). Разнообразие форм урн и их размеров может составить впечатление ненормированности их формообразования. Однако анализ вместилищ праха эстиев и пруссов приводит к выводу о существовании в сознании их изготовителей неких эталонов форм и размеров погребальных сосудов.

В настоящей статье привлечены данные 73 урн, обнаруженных в ходе раскопок на 7 грунтовых могильниках I-V вв. н.э., расположенных в западной части совр. Калининградской обл. (рис. 11). Приведённые выше термина «ведрообразные» урны или урны типа Grebieten соответствуют лишь части исследованного массива урн. Согласно их параметрам и

форме тулова эти сосуды типологизированы следующим образом:

1. Тип R(yszard) W(olągiewicz) Ib (с хроповатой нижней частью тулова) (рис. 5) представлены шестью сосудами (рис. 4). Они имеют относительно стандартную высоту (ок. 20 см), отличаются отогнутым под острым углом венчиком, у которого в его верхней части загиб отсутствует. Примерное соответствие высоты и ширины тулова сосуда – 1 : 1. Орнамент на сосудах отсутствует. Возможно, хроповатость части поверхности урны предназначена для предохранения рук несущего сосуд родственника от высокой температуры кремированных останков при переносе их с погребального костра в могилу. Хроповатая поверхность также не способствует соскальзыванию рук носителя с поверхности керамического сосуда. У двух сосудов верхняя граница хроповатой поверхности ограничена рельефным валиком (рис. 5,4,5). Данный тип урн, близкий вельбарской погребальной керамике, типологизирован в рамках схемы Ришарда Волонгевича [16. рис. 3] и находит аналогии в керамическом материале германцев среднего течения р. Эльбы на фазе B2 [6, с. 99]. Дата данного типа урн по сопутствующему погребальному инвентарю – фазы B2 – B2/C1.

2. Тип «с S-видным профилем» (возможный дериват вельбарского типа RW II) представлен в нашем массиве урн 11 сосудами (рис. 6). Пределы их высот – от 10 см до 24 см, соотношение высоты и диаметра тулова сосуда – 1 : 1,5. Венчик – изогнутый, отогнут наружу. У двух сосудов (рис. 6,4,9) на плечике присутствуют одиночные и двойные налепы, предназначенные для фиксации рук или верёвок при транспортировке урны с костра в могилу [3. с. 129]. Поверхность сосуда искусственно огрублена лишь у двух образцов (рис. 6,7,8).

По аналогии с вельбарскими сосудами типа RW II, урны эстиев типа «с S-видным профилем» датируются фазами B2-C1. При этом выделяющаяся среди остальных урн

данного типа урна из погр. G-43 могильника Grebieten, относится, соду по сопровождающему инвентарю, к первой пол. V в. н.э. (фаза D2) [11. Taf. VIII].

3. Тип «биконические», самый многочисленный в нашем материале, представлен 26 сосудами (рис. 7). Общий признак, выделяющий данный вид урн – наличие зглаженного или острого ребра в верхней трети тулова сосуда. Данная специфика формы сосуда имеет сугубо технологическое происхождение. Для упрощения процесса ручной лепки сосуда его тулово формировалось из двух частей, имевших форму усечённого конуса и соединявшихся при формовке своими широкими частями. Пределы высот сосудов данного типа – от 20 до 55 см. Соотношение высоты и диаметра тулова – примерно 2 : 1. Некоторые сосуды данного типа (рис. 7,13,24) по своей форме и параметрам близки местным урнам раннего железного века, показывая длительную традицию местного керамического производства. Представлены варианты сосудов данного типа: Вар. 1 – с венчиком без отгиба (рис. 7,1-17). Ребра у тулова имеются и острые, и сглаженные. Вар. 2 – с отогнутым венчиком. В обоих вариантах урн представлены формы с нарочито огрублённой внешней поверхностью (рис. 7,4,9,12) или же с внешним глиняным набросом, т.е. – с хроповатостью (рис. 7,21). Горизонтальные наlepные валики по плечу тулова известны преимущественно у урн вар. 1 (рис. 7,1,3,7,9-12,17). Этот признак, а также параметры данных урн позволяют предполагать связь части сосудов нашего массива с западногерманской погребальной керамикой железного века и занесение традиции их изготовления от населявших в начале эпохи Великого переселения народов о. Борнхольм остатков племени бургундов [6. с. 99]. По сопутствующему в погребении материалу данный тип урн датируется фазами C2 – D2. Отдельные сосуды архаичной формы (рис. 7,13,24) могут датироваться более ранним временем. С начала V в. высота урн дан-

ного типа, которые и были довольно неадекватно названы в своё время «ведрообразными» (тип Grebieten), возрастает до 50 см и изредка выше. Для древностей прусской культуры раннего этапа её развития характерны исключительно такие урны. Причины изготовления в позднеримское время урн небольшой высоты (ок. 20 см) требуют дополнительного изучения.

4. Тип O(stpreußische) A(lttertümer) XVIII,30 [15, Taf. XVIII,30] («тюльпановидные») (рис. 8) представлен в нашем массиве урн тремя сосудами. Данный тип примыкает по своей форме тулова к типу «биконические», при дальнейшем процессе изучения может быть обозначен как его подтип. Правда, расширение тулова у сосудов типа RW XXVIII,3 находится не в верхней трети тулова, а по его центру (рис. 8). У двух из трёх сосудов этого типа поверхность хроповатая, имеются парные горизонтальные валикообразные наlepы. По сопутствующему в погребении материалу данный тип урн датируется фазами C2 – D2.

5. Тип K6 («горшки», «биконические маломерные») (рис. 9) – представлен четырьмя сосудами исключительно могильника Lauth/Б. Исаково. Высота сосудов в основном 10 см, соотношение высоты и диаметра тулова 1: 1. Аналоги этим сосудам в древностях Самбии римского времени отсутствуют, они могут быть особой формой урн населения окрестностей совр. Калининграда. Дата урн данного типа, судя по найденным вместе с ними в погребальных комплексах арбалетовидным фибулам с подвязной ножкой – фаза C1.

6. Тип OA XXVIII,1,3 («цилиндрико-биконические») – представлены в нашем массиве урн 12 экземплярами (рис. 10). Верхняя часть тулова (выше плечика) имеет цилиндрическую форму со слабо отогнутым венчиком. Нижняя часть тулова – усечённо-коническая. Основной стандарт высоты урны – ок. 20 см. Искусственное огрубление внешней поверхно-

сти сосуда не отмечено. Некоторые сосуды снабжены пальцевыми вдавлениями по верхней кромке венчика. Судя по отпечаткам пальцев, их размеры были небольшими, ногти были аккуратно обрезаны. Всё это указывает на принадлежность этих пальцев женщинам, изготавливавшим эти сосуды. Строго говоря, этот «пальцевый орнамент» – в сущности своей не орнамент, а технологический след от работы по уплотнению и выравниванию венчика перед обжигом урны. Отдельные сосуды данного типа имеют или локальные выступы, или горизонтальные валиковые налёпы или декор в виде оттисков штампа (рис. 10,3). Судя по сопутствующему материалу данный тип урн относится к фазам D1 и D2, тем самым относясь к материалам прусской культуры её ранней фазы развития.

Очевидных генетических связей между типами урн, представленных в данной статье, не прослеживается. Особо крупными размерами отличаются, сосуды, представленные в позициях 2, 4, 6 и связанные в основном с древностями пруссов. Возможно, близость размеров этих урн и является показателем их связей между собой. Это предположение подтверждается тем, что указанные типы урн встречаются на одних и тех же могильниках, т.е. члены соответствующих общин могли делиться между собой опытом по изготовлению этих сосудов.

Представленная типологизация урн эстиев и ранних пруссов показывает разные источники их происхождения. Если в массе своей поздний тип биконических урн (C2-D2), находит прототип в местной керамике раннего железного века, то урны типов RW Ib (B2-B2/C1) и типа OA XVIII,30 созданы под влиянием древнегерманских керамических традиций. Присутствие этого этно-культурного элемента на Янтарном берегу доказывалось данными погребального обряда уже с фазы B2 [6. с. 19-24]. Лишь два типа урн (RW Ib и «с S-видным профилем») начинают изготавливаться в раннеримское

время. Эти керамические формы для изготовления вручную были достаточно сложны. Можно с осторожностью предположить применение при их формовке поворотной дощечки. Остальные формы погребальной керамики начинают создаваться в позднеримское время (фаза C2). В целом традиция урновой кремации распространилась на Янтарном берегу в результате прибытия сюда групп германцев после Готских войн [1. с. 242]. Позднейший вариант урн – цилиндро-конические – соответствует началу эпохи Великого переселения народов и связан уже с древностями прусской культуры на ранней фазе её развития. К началу VI в. урновая кремация на прусских могильниках прекращается. Урны сменяют сосуды для переноса костей с костра в могилу – «временные урны» биконической формы. Различный диапазон высот урн большинства представленных в статье типов в определённой мере может быть связан на самом деле с неточным указанием масштаба рисовальщиком этих сосудов.

Сосуществование нескольких типов урн в погребальных древностях эстиев и пруссов свидетельствует о том, что в сознании членов общин (очевидно – в основном женщин) существовали прототипы урн, имевшие для (вынужденных) керамистов значение этно-культурных ориентиров. Устойчивость форм урн этих типов показывает культовый пиетет, который испытывали к ним обитатели Янтарного берега. Низкое качество урновой керамики, их слабый обжиг характеризуют незначительную профессиональную подготовку членов родового коллектива, вынужденных заниматься формовкой сосудов лишь по необходимости подготовить урну к похоронам родственника. Крупные размеры основной части типов урн нашего массива являются, очевидно, результатом неких культовых норм. Прах с костра и кремированные останки погребённого вместе с его инвентарём занимают малую часть объёма урны и не обязательно находились у её дна.

Существовавшие в традициях населения Янтарного берега на протяжении полутысячелетия, урны, как выяснилось, могут содержать информацию хронологического

и этно-культурного (а может быть – и социального) характера, а не просто фиксироваться археологами как вместилище праха погребённых.

Список литературы

1. Кулаков В.И. История Пруссии до 1283 г., М.: «Индрик», 2003 - 364 С.
2. Кулаков В.И. Доллькайм-Коврово. Исследования 1992-2002 гг., Минск: Институт истории НАН Беларуси, 2007 - 335 С.
3. Кулаков В.И. Сосуды с налечами в древностях эстиев на материале могильника Lauth/Б. ИС с. 117-141.
4. Кулаков В.И. Hünenberg-«Гора Великанов». Могильник III-V вв. н.э. на севере Самбии // Światowit. Supplement Series B: Barbaricum, tom 10, Warszawa: Drukarnia Janusz Bieszczad, 2014 - С. 199-363.
5. Кулаков В.И. Методика раскопок старших представителей прусской археологической школы (могильники Dollkeim/Коврово и Warnikam/Первомайское) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римского влияния и Великого переселения народов, ч. 1, Тула.: Гос. Музей-заповедник «Куликово поле», 2015 - С. 178-189.
6. Кулаков В.И. Сокровища Янтарного края. Показатели инокультурных влияний на древности Самбии и Натангии в I-IV вв. н.э., Калининград: «Калининградская книга», 2016а – 359 С.
7. Кулаков В.И. Гребитен. Новые данные о старых раскопках // Университетский научный журнал, СПб: Санкт-Петербургский университетский консорциум, 2016б - С. 15-27.
8. Кулаков В.И. Могильник бывший Tengen (окрестности Brandenburg/Ушаково) // Балтийский альманах, № 18, Калининград: ГБУК «Калининградская областная научная библиотека», 2019 - С. 92-98.
9. Berendt G. Zwei Gräberfelder in Natangen und zwar Tengen bei Brandenburg und Rosenau bei Königsberg, Königsberg, 1874 – S. 2-14.
10. Gaerte W. Urgeschichte Ostpreußens, Königsberg: Gräfe und Unzer Verlag, 1929 - 406 S.
11. Heydek J. Das Gräberfeld der Römischen Periode zu Grebieten, Kr. Fischhausen, besonders die südliche Hälfte // Prussia, Bd. 34, Königsberg: Ostpreußische Zeitungs- und Verlag-Druckerei, 1888 - S. 228-236.
12. Hensche W. Einiges zur Kenntniss der Todtbestattung bei den heidnischen Preussen // SPÖG, 2. Jg., Königsberg: Gräfe und Unzer Verlag, 1862 - S. 131-138.
13. Hensche A. Das Gräberfeld bei Fürstenwalde // SPÖG, 10. Jg., Königsberg: in Commission bei W. Koch, 1869 - S. 147-158.
14. Nowakowski W. Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10, Marburg-Warszawa: Druk, 1996 - 169 S.
15. Tischler O., Kemke H. Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt, Königsberg: In Kommission bei Wilh. Koch, 1902 - 46 S.
16. Wołagiewicz R. Chronologia ceramiki kultury wielbarskiej w świetle dotychczasowego stanu badań // Archeologia Polski, t. XXXII, z. 1, Warszawa: Wydawnictwo Instytutu historii kultury materialnej, 1987 - S. 169-203.

Архивные материалы:

17. Архив ИА РАН, Ф.1, Кулаков В.И., Отчет о работе Балтийской экспедиции в 1993 г., № 17585.
18. Архив ИА РАН, Ф. 1, Р. 1. Скворцов К.Н., Раскопки на восточной окраине г.

Калининграда (грунт. мог. Б. Исаково/Лаут) в 1998 г., № 21982.

19. Архив ИА РАН, Ф. 1, Р. 1. Скворцов К.Н., Отчёт по охранным раскопкам грунтового могильника Лаут-Б. Исаково Самбийско-Натангийской археологической экспедицией в 2002 г., № 25795.

20. Архив ИА РАН, Ф. 1, Р. 1. Скворцов К.Н., Отчёт по охранным раскопкам грунтового могильника Лаут-Б. Исаково Самбийско-Натангийской археологической экспедицией в 2003 г., № 25796.

21. Архив ИА РАН, Ф. 1, Р. 1. Скворцов К.Н., Отчёт по охранным раскопкам грунтового могильника Лаут-Б. Исаково Самбийско-Натангийской археологической экспедицией в 2004 г., № 25797.

Подписи к рисункам:

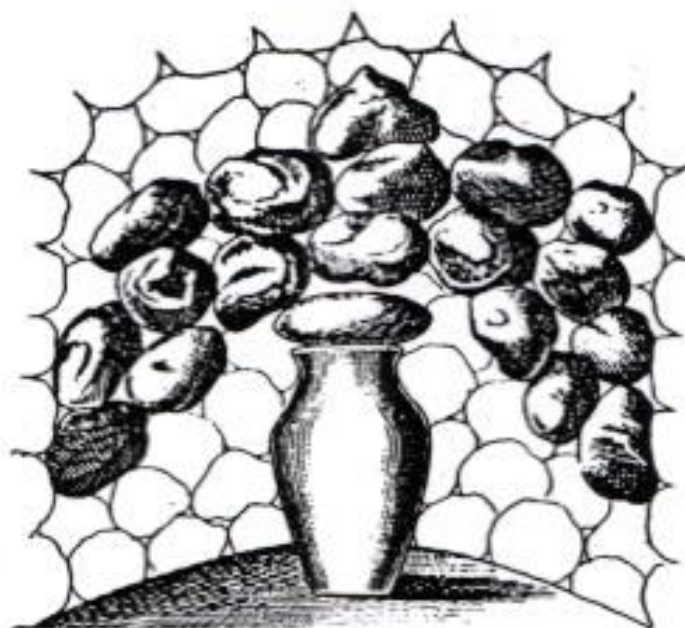
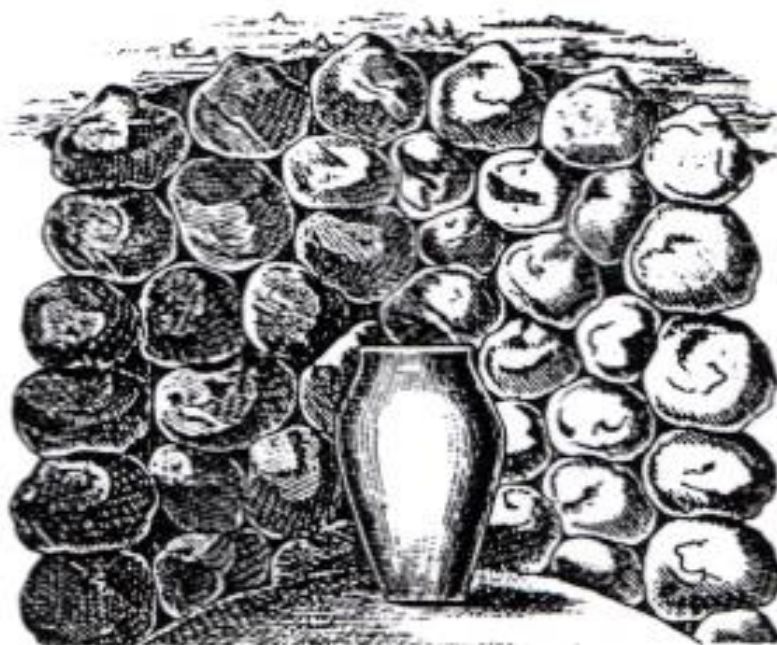

Рис. 1. Первые публикации урн, обнаруженных при раскопках могильника Hünenberg/Гора Великанов [12. Taf. IV,2,3].

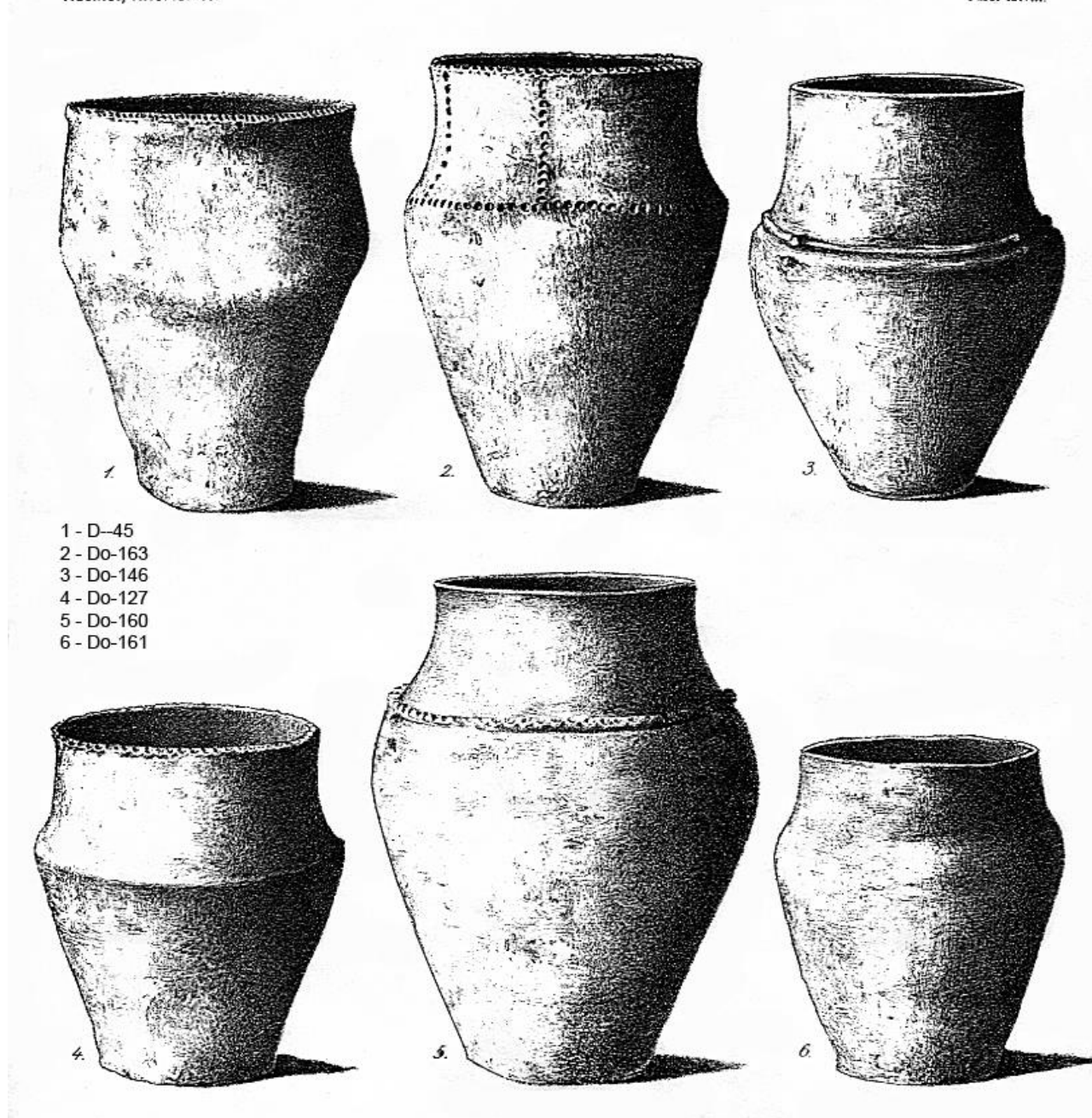

Рис. 2. Часть типологии урн О. Тишлера [15. Taf. XXVIII].

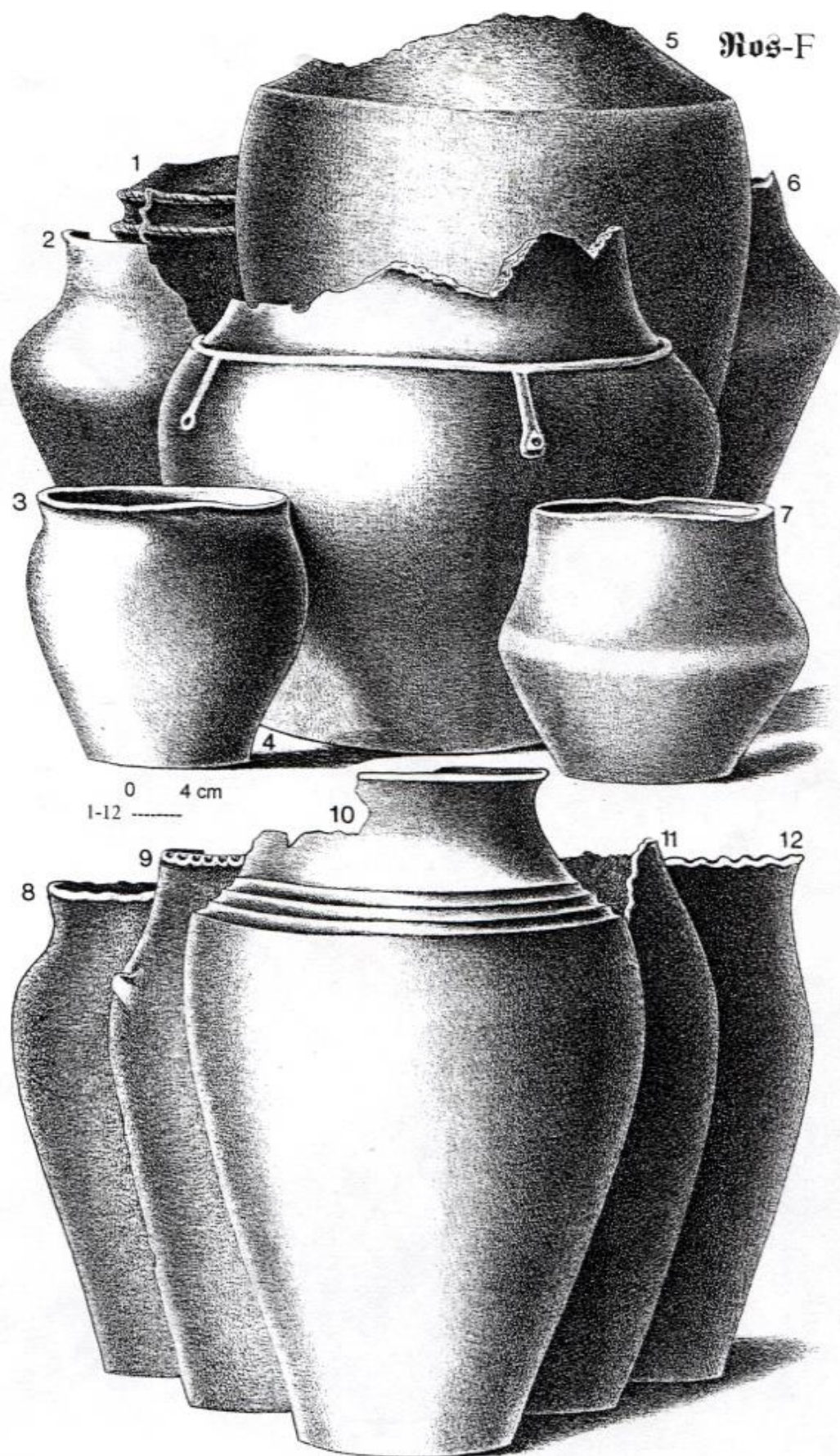

Рис. 3. Диапазон высот урн из могильника Rosenau/Аллея отважных - ул. Дзержинского, Калининград, раск. летом 1873 г. [9. Taf. IV, V].

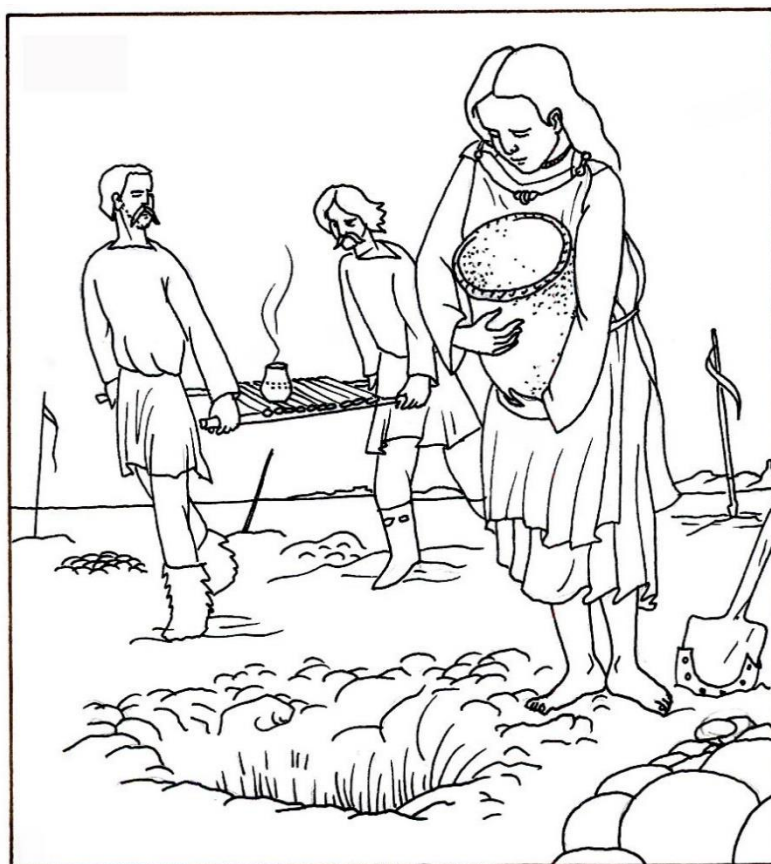

Рис. 4. Реконструкция процесса доставки урны к могиле.

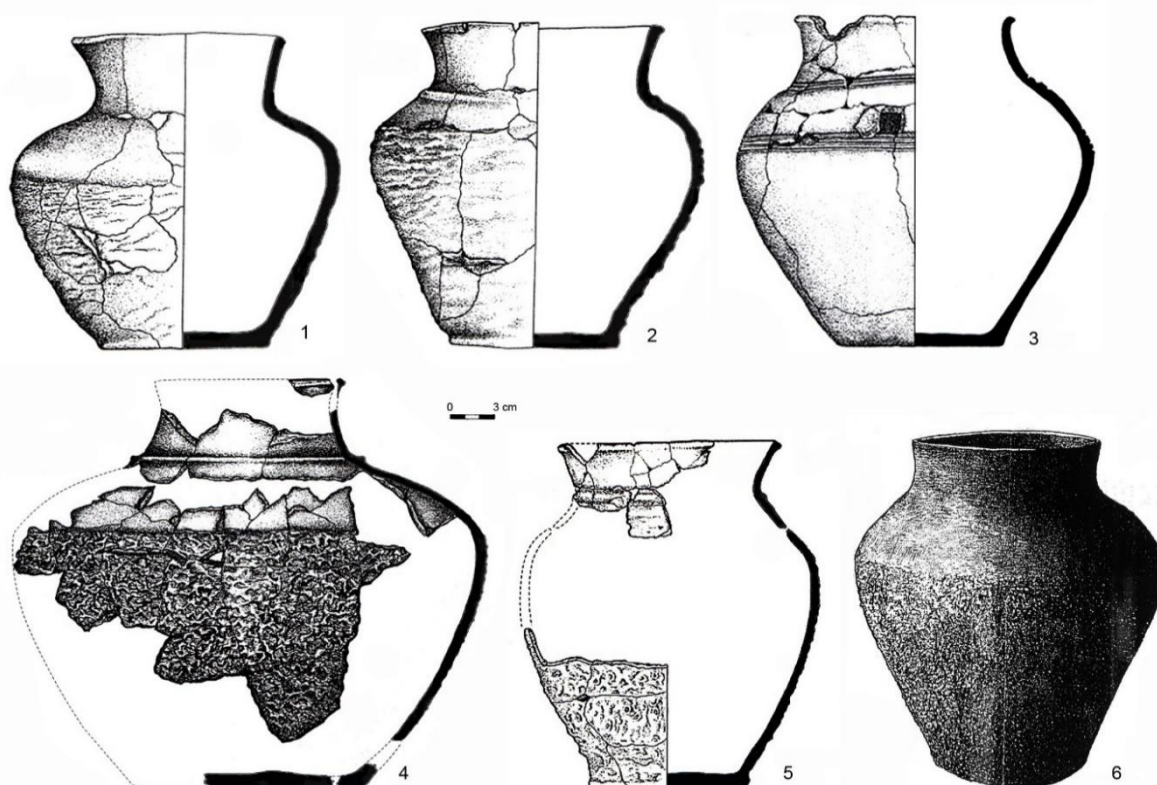

Рис. 5. Тип RW Ib (с хрупкой нижней частью тулова): 1 – погр. L-7 могильника Lauth/Б. Исаково; 2 - погр. L-8 могильника Lauth/Б. Исаково; 3 - погр. L-200 могильника Lauth/Б. Исаково; 4 - погр. L-6 могильника Lauth/Б. Исаково; 5 - погр. L-6 могильника Lauth/Б. Исаково; 6 – погр. Do-15 Dollkeim/Коврово (1, 2, 4, 5 - 18. № 21982; 3 – 20; 6 – 15. S. 15).

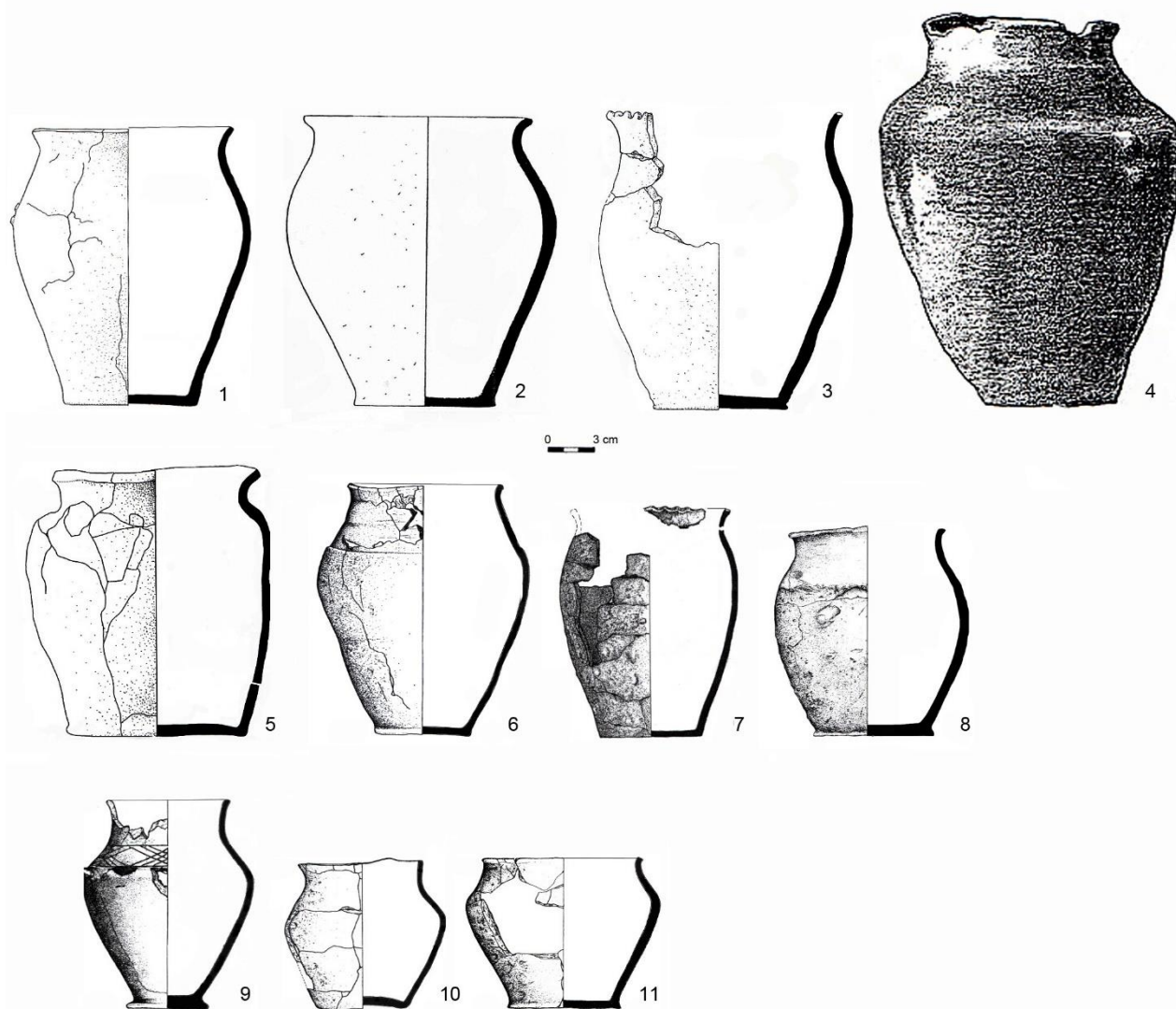

Рис. 6. Тип «с S-видным профилем»: 1 – погр. Do-364 могильника Dollkeim/Коврово; 2 – погр. Do-251 могильника Dollkeim/Коврово; 3 – погр. Do-254 могильника Dollkeim/Коврово; 4 – погр. G-43 могильника Grebieten; 5 – погр. Do-361 могильника Dollkeim/Коврово; 6 – погр. L-26 могильника Lauth/Б. Исаково; 7 – погр. L-152 могильника Lauth/Б. Исаково; 8 – погр. L-183 могильника Lauth/Б. Исаково; 9 – погр. L-12 могильника Lauth/Б. Исаково; 10 – погр. L-28 могильника Lauth/Б. Исаково; 11 – погр. L-21 могильника Lauth/Б. Исаково (1-3, 5 – 2. рис. 221, 5, 11, 208; 4 – 11. Taf. VIII,n; 6, 9, 10, 11 – 18. № 21982; 7 – 19; 8 – 206).

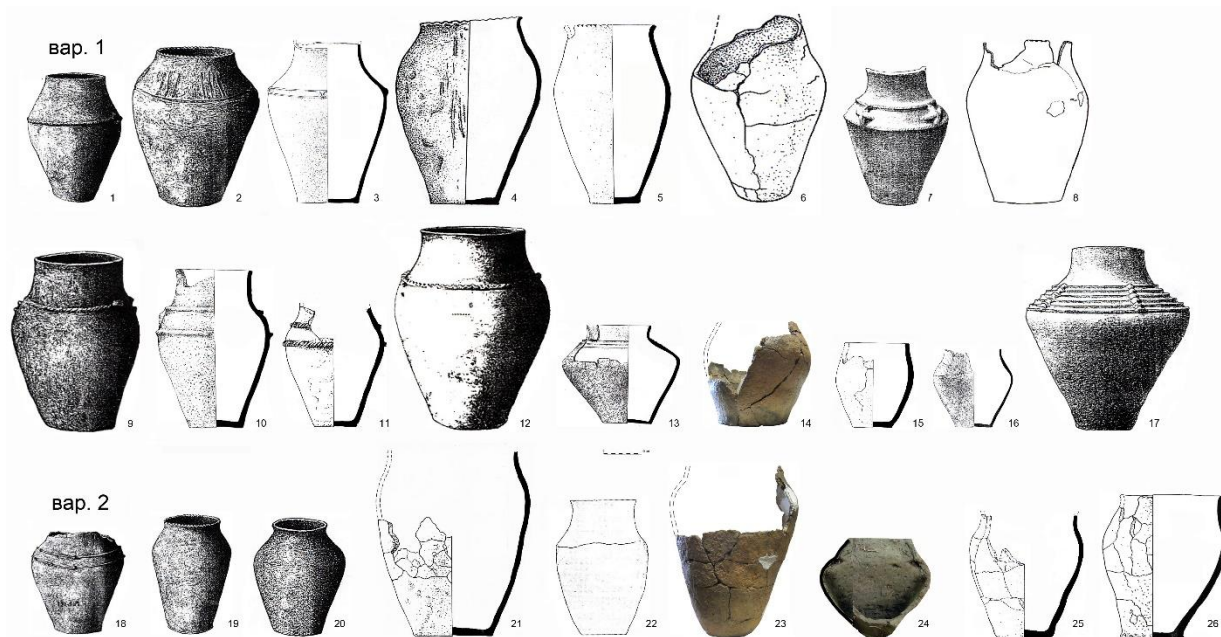

Рис. 7. Тип «биконические»: 1 – погр. Do-41 могильника Dollkeim/Коврово; 2 - погр. Do-46a могильника Dollkeim/Коврово; 3 – погр. H-54k могильника Hünenberg/Гора Великанов; 4 – погр. Do-256 могильника Dollkeim/Коврово; 5 – погр. 39k могильника Hünenberg/Гора Великанов; 6 - погр. H-35k могильника Hünenberg/Гора Великанов; 7 – погр. G-93b могильника Grebieten; 8 – погр. H-59k могильника Hünenberg/Гора Великанов; 9 – погр. Do-70 могильника Dollkeim/Коврово; 10 - погр. H-177 могильника Hünenberg/Гора Великанов; 11 - погр. H-181 могильника Hünenberg/Гора Великанов; 12 - погр. Do-160 могильника Dollkeim/Коврово; 13 - погр. L-211 могильника Lauth/Б. Исаково; 14 – погр. Wa-106 могильника Warnikam/Первомайское; 15 - погр. H-191 могильника Hünenberg/Гора Великанов; 16 - погр. L-262 могильника Lauth/Б. Исаково; 17 - погр. G-94 могильника Grebieten; 18 - погр. Do-85 могильника Dollkeim/Коврово; 19 - погр. Do-43 могильника Dollkeim/Коврово; 20 - погр. Do-56 могильника Dollkeim/Коврово; 21 - погр. Do-299 могильника Dollkeim/Коврово; 22 - погр. G-52 могильника Grebieten; 23 - погр. Wa-97 могильника Warnikam/Первомайское; 24 - погр. Wa-96 могильника Warnikam/Первомайское; 25 - погр. Do-255 могильника Dollkeim/Коврово; 26 - погр. 70 могильника Hünenberg/Гора Великанов (1, 2, 9, 12, 18, 19, 20 – 15. S. 17, 21, 24, 19, 20; 3, 5, 6, 8 – 17. № 17585; 4, 21, 25 - 2. рис. 16, 92, 13; 7, 17 – 11. Taf. VII; 10, 11, 15, 26 – 4. рис. 60, 63, 64, 39; 13 – 20. № 25797; 14, 23, 24 – 5. рис. 9, 8; 16 - 21; 22 – 7.6, рис. 8).

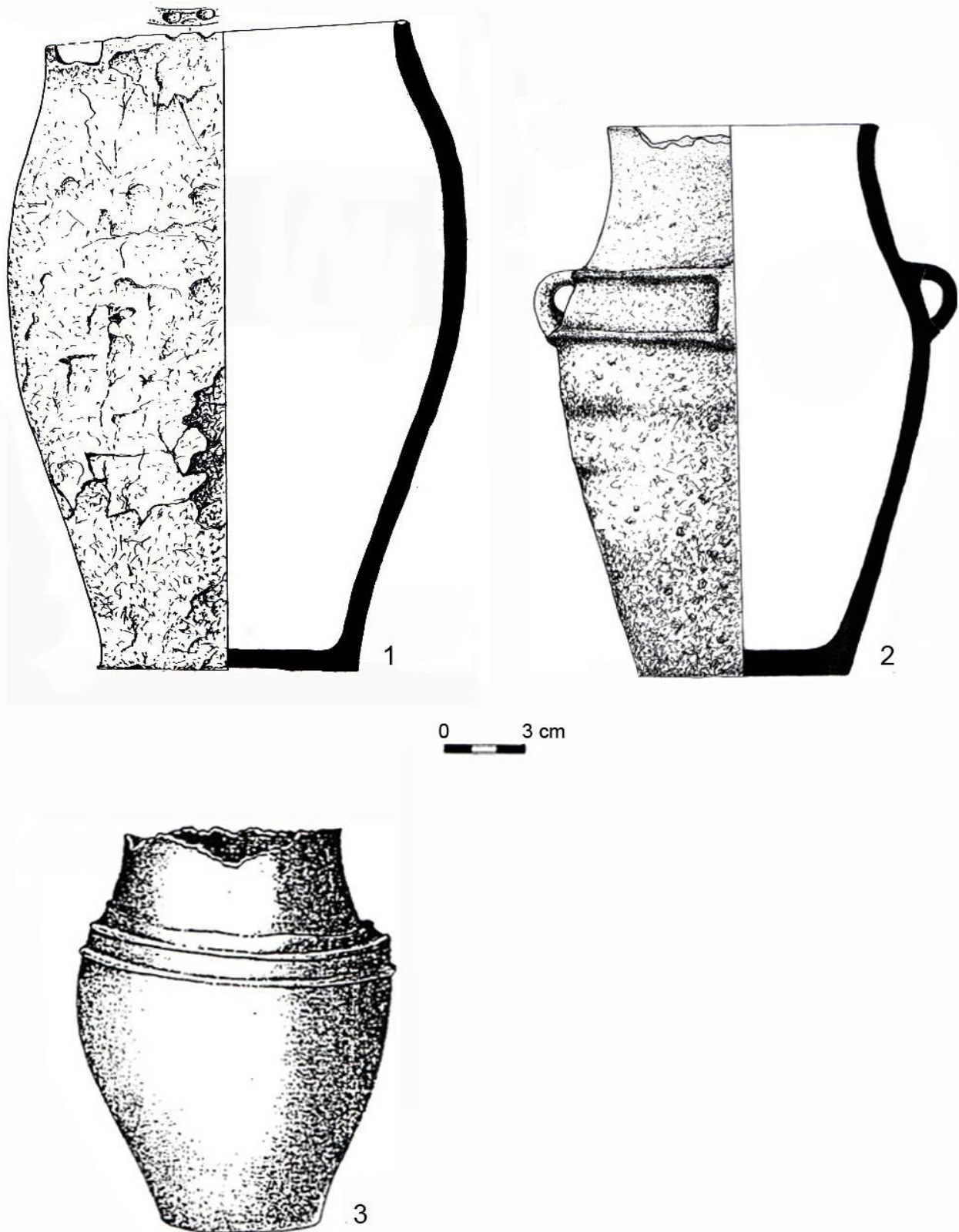

Рис. 8. Тип ОА XVIII,30 (с плавным расширением тулова): 1 – погр. Н-192 могильника Hünenberg/Гора Великанов; 2 - погр. Н-198 могильника Hünenberg/Гора Великанов; 3 – погр. Те-32 могильника Tengen (1, 2 – 4. рис. 66; 3 – 8. рис. 5).

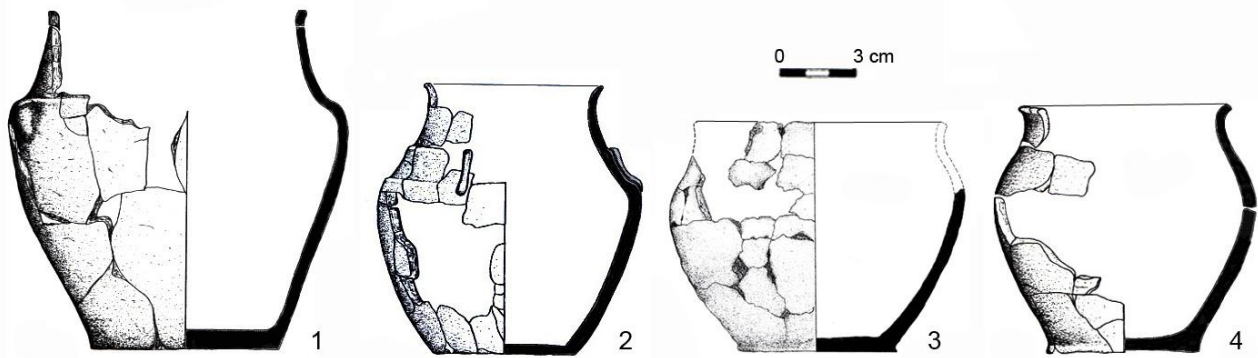

Рис. 9. Тип К6 («горшки»): 1 – погр. L-57 могильника Lauth/Б. Исаково; 2 – погр. L-37 могильника Lauth/Б. Исаково; 3 – погр. L-179 могильника Lauth/Б. Исаково; 4 – погр. L-60 могильника Lauth/Б. Исаково (1, 2, 4 – 18; 3 – 20. № 25796).

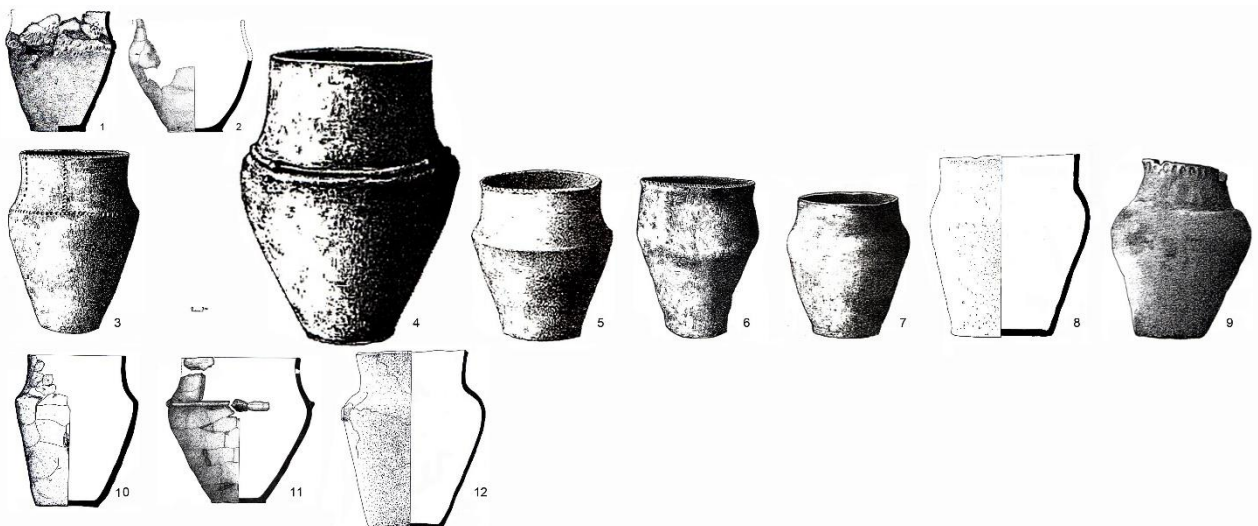

Рис. 10. Тип ОА XXVIII,1 (цилиндро-конические): 1 – погр. L-198 могильника Lauth/Б. Исаково; 2 – погр. L-192 могильника Lauth/Б. Исаково; 3 – погр. Do-163 могильника Dollkeim/Коврово; 4 – погр. Do-146 могильника Dollkeim/Коврово; 5 – погр. Do-127 могильника Dollkeim/Коврово; 6 – погр. Do-45 могильника Dollkeim/Коврово; 7 – погр. Do-161 могильника Dollkeim/Коврово; 8 – погр. Do-366 могильника Dollkeim/Коврово; 9 – погр. G-82 могильника Grebieten; 10 – погр. L-34 могильника Lauth/Б. Исаково; 11 – погр. L-158 могильника Lauth/Б. Исаково; 12 – погр. Do-370 могильника Dollkeim/Коврово (1, 2, 11 – 20; 3, 4, 5, 6, 7 – 15. S. 24, 23, 22, 19-20; 8 – 2. рис. 209; 9 – 11. Taf. IX; 10 – 18; 11 – 18; 12 – 2. рис. 219).

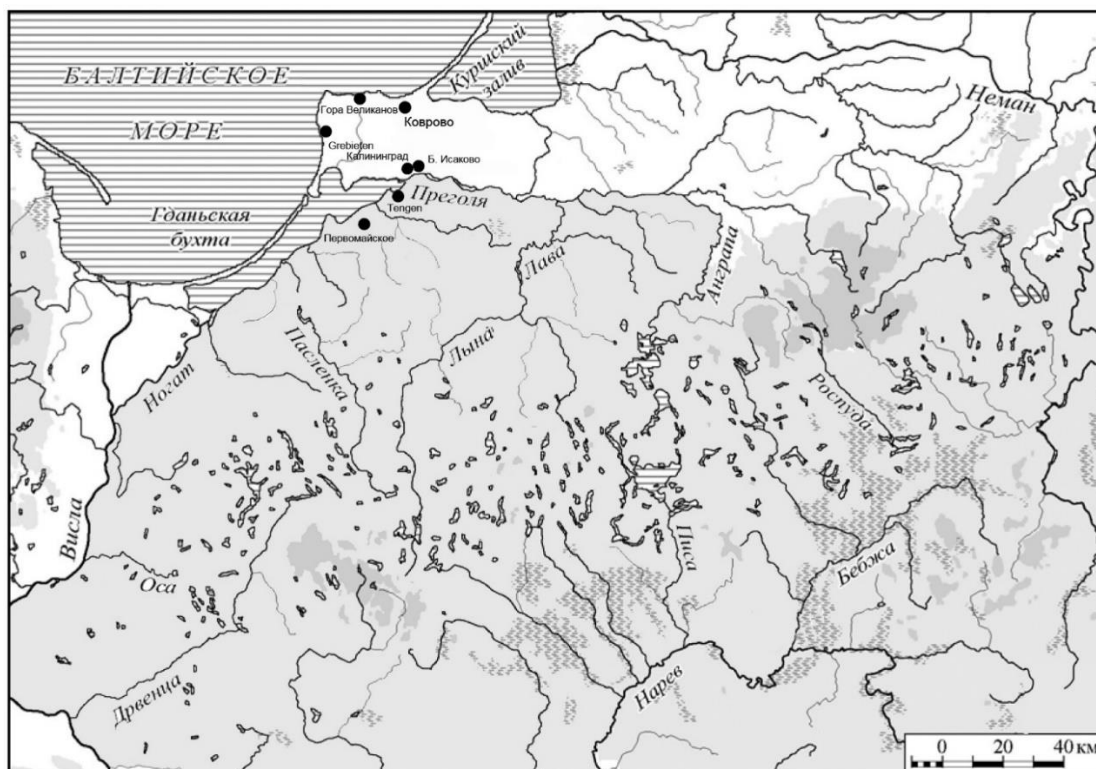

Рис. 11. Расположение на карте юго-восточной Балтии памятников грунтовых могильников, упомянутых в статье.

Сокращения:

М. - Москва

СПб – Санкт-Петербург

SPÖG – Schriften für Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg

TYPOLOGY AND CHRONOLOGY OF AESTIAN AND PRUSSIAN FUNERAL URNS

The coexistence of several types of urns in the funerary antiquities of the Aestians and Prussians testifies to the fact that in the imagination of community members (obviously, mainly women), there were prototypes of urns that were of ethno-cultural significance for (forced) ceramists. The aforementioned inhabitants of the Amber Coast at the beginning of our era were called Aestii by the Germans (ancient German - "living in the east"). The low quality of urn ceramics and their weak firing characterize the insignificant professional training of members of the tribal collective, who are forced to mold vessels only when necessary to prepare the urn for the funeral of a relative. The large sizes of the main part of the types of urns in our array are obviously the result of some cult norms. Ashes from the fire and cremated remains of the deceased, together with his inventory, occupy a small part of the urn's volume and were not necessarily at its bottom. Existing in the traditions of the population of the Amber Coast for half a millennium, the urn, as it turned out, can contain information of a chronological and ethno-cultural nature, and not just be recorded by archaeologists as a repository of the ashes of the buried.

Keywords: Baltic, Aestians, Prussians, burials, urns, typology.

References

1. Kulakov V.I. History of Prussia until 1283, M.: "Indrik", 2003 - 364 p.
2. Kulakov V.I. Dollkheim-Kovrovo. Research 1992-2002, Minsk: Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, 2007 - 335 pp.
3. Kulakov V.I. Vessels with moldings in the antiquities of the Aestians based on material from the Lauth / B. IS s. 117-141.
4. Kulakov V.I. Hünenberg- "Mountain of the Giants". Burial ground III-V centuries. AD in the north of Sambia // Światowit. Supplement Series B: Barbaricum, tom 10, Warszawa: Drukarnia Janusz Bieszczad, 2014 - pp. 199-363.

5. Kulakov V.I. Methods of excavation of senior representatives of the Prussian archaeological school (burial grounds Dollkeim / Kovrovo and Warnikam / Pervomayskoye) // Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in the era of Roman influence and the Great Migration, part 1, Tula : State. Museum-reserve "Kulikovo field", 2015 - pp. 178-189.
6. Kulakov V.I. Treasures of the Amber Land. Indicators of foreign cultural influences on the antiquities of Sambia and Natangia in the 1st-4th centuries. AD, Kaliningrad: "Kaliningrad Book", 2016a - 359C.
7. Kulakov V.I. Grebitten. New data on old excavations // University scientific journal, St. Petersburg: St. Petersburg University Consortium, 2016b - pp. 15-27.
8. Kulakov V.I. Burial ground of the former Tengen (environs of Brandenburg / Ushakovo) // Baltic Almanac, No. 18, Kaliningrad: GBUK "Kaliningrad Regional Scientific Library", 2019 - pp. 92-98.
9. Berendt G. Zwei Gräberfelder in Natangen und zwar Tengen bei Brandenburg und Rosenau bei Königsberg, Königsberg, 1874 – S. 2-14.
10. Gaerte W. Urgeschichte Ostpreußens, Königsberg: Gräfe und Unzer Verlag, 1929 - 406 S.
11. Heydek J. Das Gräberfeld der Römischen Periode zu Grebieten, Kr. Fischhausen, besonders die südliche Hälfte // Prussia, Bd. 34, Königsberg: Ostpreußische Zeitungs- und Verlag-Druckerei, 1888 - S. 228-236.
12. Hensche W. Einiges zur Kenntniss der Todtbestattung bei den heidnischen Preussen // SPÖG, 2. Jg., Königsberg: Gräfe und Unzer Verlag, 1862 - S. 131-138.
13. Hensche A. Das Gräberfeld bei Fürstenwalde // SPÖG, 10. Jg., Königsberg: in Commission bei W. Koch, 1869 - S. 147-158.
14. Nowakowski W. Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10, Marburg-Warszawa: Druk, 1996 - 169 S.
15. Tischler O., Kemke H. Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt, Königsberg: In Kommission bei Wilh. Koch, 1902 - 46 S.
16. Wołagiewicz R. Chronologia ceramiki kultury wielbarskiej w świetle dotychczasowego stanu badań // Archeologia Polski, t. XXXII, z. 1, Warszawa: Wydawnictwo Instytutu historii kultury materialnej, 1987 - S. 169-203.

Archival materials:

17. Archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, F.1, Kulakov V.I., Report on the work of the Baltic expedition in 1993, No. 17585.
18. Archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, F. 1, P. 1. Skvortsov K.N., Excavations on the eastern outskirts of Kaliningrad (soil grave B. Isakovo / Lauth) in 1998, No. 21982.
19. Archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, F. 1, R. 1. Skvortsov K.N., Report on security excavations of the Laut-B. Isakovo earth burial ground. Isakovo Sambian-Natangan archaeological expedition in 2002, No. 25795.
20. Archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, F. 1, R. 1. Skvortsov K.N., Report on security excavations of the Laut-B. Isakovo earth burial ground. Sambian-Natangian archaeological expedition in 2003, No. 25796.
21. Archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, F. 1, R. 1. Skvortsov K.N., Report on security excavations of the Laut-B. Isakovo earth burial ground Sambian-Natangian archaeological expedition in 2004, No. 25797.

Об авторе

Кулаков Владимир Иванович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии эпохи Великого переселения народов и эпохи раннего средневековья Института археологии РАН (Россия), e-mail: drkulakov@mail.ru.

Kulakov Vladimir Ivanovich – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of Archeology of the Great Migration Period and the Early Middle Ages Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Russia), e-mail: drkulakov@mail.ru